

ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ СИСТЕМЫ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ НА ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ: НЕПРИЗНАННЫЕ ГОСУДАРСТВА

Бахтуридзе З.З.¹, Лагутина М.Л.²

¹ Частное образовательное учреждение высшего образования «Институт специальной педагогики и психологии», Санкт-Петербург, Россия (194356, г. Санкт-Петербург, ул. Большая Озёрная, 92); e-mail: zeinabb1000@mail.ru;

² Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Санкт-Петербургский государственный университет», Санкт-Петербург, Россия (199034, г. Санкт-Петербург, Университетская наб., 7-9), e-mail: manipolis@hotmail.com

Статья посвящена анализу феномена непризнанных государств постсоветского пространства. По мнению авторов, само появление данного феномена стало результатом структурной трансформации Вестфальской системы международных отношений и мирового порядка, сложившегося в результате Второй мировой войны. В статье дается определение данного феномена, анализируются причины и исторические предпосылки появления подобного рода государственных образований на постсоветском пространстве. Особое внимание авторы уделяют становлению и развитию межгосударственных контактов между непризнанными государствами и их влиянию на международные процессы. В качестве примера для анализа феномена непризнанных государств постсоветского пространства авторы берут Республику Абхазия и Республику Южная Осетия, учитывая особую роль России в становлении и последующем признании данных государственных образований. В результате авторы приходят к выводу о том, что ключевыми событиями, в контексте оценки дальнейших перспектив рассматриваемых территориальных образований, стали события 2008 года: признание независимости Косово мировым сообществом и война в Грузии. Данные события положили начало структурной перестройки системы международных отношений в целом и подсистемы постсоветского пространства в частности.

Ключевые слова: непризнанные государства, частично признанные государства, Абхазия, Южная Осетия, Россия, СНГ-2, постсоветское пространство, конфликт.

CHARACTERISTICS OF THE FORMATION OF THE INTERNATIONAL SYSTEM ON THE POST-SOVIET SPACE: UNRECOGNISED STATES

Bakhturidze Z.Z.¹, Lagutina M.L.²

¹ Institute of Special Education and Special Psychology, Russia, St. Petersburg (194356, St. Petersburg, st. Bol'shaya Ozernaya, 92); e-mail: zeinabb1000@mail.ru;

² Saint Petersburg State University, Russia, St. Petersburg (199034, St. Petersburg, Universitetskaya enb., 7-9), e-mail: manipolis@hotmail.com

This article is devoted to analysis of the phenomenon of the unrecognized states of the post-Soviet space. According to the authors this phenomenon appeared as a result of the structural transformation of the Westphalian system of international relations and world order that was established after the Second World War. In this article the definition of the unrecognized states is giving. The authors analyze the reasons and a historical background of the appearance of these states on the post-Soviet space. The special attention is paid to the formation and development of the international contacts between unrecognized states and its influence on the international processes. As an example of the post-Soviet unrecognized states the authors regard the Republic of Abkhazia and the Republic of South Ossetia taking into account the special part of Russian Federation in its formation and recognition. The authors conclude that the events of 2008 (recognition of the Kosovo independence and the Georgian war) became the key factors for the further development of these states. These events gave a start of the structural transformation of the system of international relations at all and the subsystem of the post-Soviet space particularly.

Keywords: unrecognized states, partly recognized states, the Republic of Abkhazia, the Republic of South Ossetia, Russia, CIS-2, post-Soviet space, conflict.

На постсоветском пространстве продолжается процесс государственной трансформации. Данное явление не является отличительной особенностью постсоветского

пространства, оно стало частью более масштабного универсального процесса, т.к. неразрывно связано с распадом Вестфальской системы международных отношений и переходом к новым политико-правовым моделям мироустройства. В этой связи в настоящее время ученые все чаще говорят о так называемом кризисе национального государства [9, с. 11] - базового актора Вестфальской системы. Современное состояние международной системы характеризуется крайней неустойчивостью, что объясняется постепенным переходом к новой мировой политической системе, в рамках которой под влиянием объективного процесса глобализации национальное государство вынуждено трансформироваться, адаптируясь к новым мирополитическим условиям, а также новым вызовам и угрозам.

Дезинтеграция СССР в конце XX века спровоцировала ряд локальных конфликтов, итоги которых привели к появлению на территории бывших союзных республик государственных образований полностью или частично непризнанных мировым сообществом (например, Абхазия, Южная Осетия, Приднестровье, Нагорный Карабах и т.д.). Некоторые исследователи называют их «непризнанными государствами», но применяется целый ряд других терминов: «квазигосударства», «непризнанные территории», «самопровозглашенные государства», «самопровозглашенные республики», «де-факто государства» и др.¹ Перечисленные термины тем не менее определяют один тот же феномен мировой политики – территории, которые провозгласили себя независимыми государствами и обладают определенными признаками государственности: название государства, государственные символы, население, территория, власть, осуществляющая контроль над данной территорией, система государственного управления, конституция. В то же время данная группа государств не имеет дипломатического признания со стороны большей части мирового сообщества – со стороны государств - членов ООН, а их территория официально рассматривается как часть государственной территории одного или нескольких государств - членов ООН. Данный феномен характерен не только для постсоветского пространства, однако в последнее время именно непризнанные государства данного региона оказались в центре внимания мирового сообщества.

Активное вовлечение в современные мирополитические процессы уже существующих на постсоветском пространстве непризнанных государств, а также заявка о появлении новых (например, Донецкая народная республика и Луганская народная республика) способствуют повышению внимания политиков и ученых разных стран к данному феномену. На сегодняшний день поиски решения проблемы непризнанных государств в контексте

¹ Подробнее об этом см.: Добронравин Н.А. Непризнанные государства в «серой зоне» мировой политики: основы выживания и правила суверенизации : препринт М-21/11. — СПб. : Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2011. — 56 с. — (Серия препринтов; М-21/11; Центр исследований модернизации).

правовых норм, в рамках социально-философского дискурса (гражданская активность населения, вопросы идентичности и т.д.), в русле проблем безопасности сложно назвать успешными. Таким образом, сегодня актуализируется настоятельная необходимость в комплексном политологическом анализе феномена непризнанных государств на постсоветском пространстве с учетом новых геополитических реалий.

Проблема непризнанных государств нередко сводится к формально-юридическому формату, между тем, на наш взгляд, феномен непризнанных государств демонстрирует приоритет политики над другими сферами общественного бытия, а исследования, проведенные правоведами, в основном не учитывают политических реалий. Следует отметить, что в новейшей истории все чаще прослеживается тенденция трактовки международно-правовых норм в рамках сиюминутных задач и в угоду реализации далеко идущих политических целей влиятельных акторов мировой политики. По мнению большинства экспертов (Маркедонов С.М., Гаджиев К.С., Дугин А.Г., Загладин Н.В. и др.), широкому спектру интерпретаций способствовало наличие в международно-правовых документах двух взаимоисключающих принципов: права народов на самоопределение и права государств на сохранение территориальной целостности. Апелляция к данным принципам и их применение в том или ином случае приобрели характер волюнтаристских решений. Ранее территориальная целостность государств, входивших в один из двух идеологических и военно-стратегических лагерей (НАТО и ОВД), обеспечивалась не столько действием юридических норм, сколько силовым, реальным блоковым механизмом, гарантировавшим стабильность и поддерживавшим необходимый уровень централизации. В условиях постбиполярного мира США в каждом конкретном случае разрешают формально-юридические противоречия в свою пользу. Очевидно, что подобный подход способен привести к серьезной эскалации напряженности не только вокруг непризнанных государств на постсоветском пространстве, но и в глобальном масштабе.

Как показывает вековая практика, процессы формирования и развития новых государств гораздо сложнее, чем переход от одного общественного устройства к другому, поскольку затрагивают достаточно неоднозначные вопросы формирования наций и интересы глобальных политических акторов. В связи с этим все чаще проблема непризнанных государств рассматривается в политологических работах, посвященных анализу различных аспектов безопасности и этнических конфликтов. Распад социалистического лагеря и последовавший за ним в поисках национального самоопределения «парад наций» в условиях трансформирующейся системы международных отношений принял явно конфликтные, дестабилизирующие формы. Как верно отметил российский исследователь С.М. Маркедонов, открылись шлюзы для свободного плавания «молодых демократий», идеология

которых основывалась на принципе этнонационального самоопределения [5, с. 175], что привело к этнополитическим конфликтам на фоне явного ослабления регионального лидера – Российской Федерации. Ярким примером этого являются конфликты на Южном Кавказе.

Согласно мнению российского геополитика А.Г. Дугина, применение доктрины «постимперской легитимности» при распаде социалистической системы привело к тому, что ее внутренние, административные составляющие получили «полноценный правовой статус независимо от того, удовлетворяет ли данное образование критерию полноценного государства или нет» [2, с. 185]. В результате реализации данной доктрины впоследствии возникшие на постсоветском пространстве непризнанные государства оказались за рамками международно-правовой легальности. Другими словами, внутренний суверенитет данных политико-территориальных образований не получил внешней легитимации.

Вследствие утраты гражданской идентичности на пространстве бывшего СССР, на смену ей пришла базовая этническая идентичность, или идентичность, связанная с территориальным аспектом. В этом контексте рождение непризнанных государств, по сути, олицетворяет собой бегство к «своей земле»: «центральным элементом новой этнической идентичности становится "своя земля". Отныне только этнос наделяется правами верховного собственника и распорядителя земли» [5, с. 179]. Не вызывает сомнений, что стремление обосновать и доказать факт принадлежности земли тому или иному этносу привело к многочисленным произвольным интерпретациям и переписыванию истории. Это особенно актуально в связи с тем, что общество обладает социально-психологической потребностью в обретении новой идентичности в условиях утраты или кризиса прежней. Процесс поиска идентичности проходит множество этапов, часть которых обладает высоким конфликтным потенциалом, особенно в условиях диверсификации этносов на постсоветском пространстве, ввиду манипулятивного внешнего воздействия. Особенно сложным является момент крушения прежних установок и становления новой модели идентичности.

Что касается факта признания или непризнания по отношению к государственным образованиям на постсоветском пространстве, то, на наш взгляд, это элемент политической манипулятивной стратегии. Непризнанные государства являются частью политического бытия. То, что их словно не существует для мирового сообщества, не мешает им в той или иной мере быть участниками «большой игры» на территории бывшего Советского Союза.

Рассмотрим подробнее примеры непризнанных государств Южного Кавказа - Абхазии и Южной Осетии. Выбор именно этих непризнанных или частично признанных государств вполне закономерен, учитывая особую роль России в становлении и последующем признании данных государственных образований.

Прежде всего, следует отметить, что, несмотря на специфические особенности, которыми обладают оба названных государства, несомненно, существуют также факторы, которые их объединяют – общая история пребывания в рамках единой сверхдержавы, образование в результате распада СССР, тесные связи с Россией. За годы мира Южная Осетия и Абхазия доказали способность самостоятельно строить свою государственность. Очевидно, что «от завоеваний, доставшихся им в тяжелейшей борьбе, они не откажутся ни при каких обстоятельствах» [8, с. 193]. В то же время и «для Тбилиси, где исходят из того, что Грузия не может состояться как полноценное государство, не подчинив себе непокорные автономии, ставки чрезвычайно велики» [8, с. 193]. При условии, что вопрос о критериях измерения статуса государственности остается открытым, обращаясь к классическим признакам - суверенитет, всеобщность и принудительность, следует признать, что в сфере суверенитета дела в Южной Осетии и Абхазии, обстоят не лучшим образом. Справедливости ради стоит отметить, что и в Грузии проблем в данной области не меньше, если не больше. Прежде всего, они связаны с территориями Южной Осетии и Абхазии, которые в сознании грузинского политического руководства остаются грузинскими территориями, контроль над которыми временно утрачен.

Ситуация осложнена тем, что при вхождении в состав ООН Абхазия и Южная Осетия официально были частью Грузии. Поэтому невозможность восстановления контроля над этими территориями весьма негативно сказывается на имидже Грузии в глазах мирового сообщества, и ее дальнейшая европейская интеграция выглядит весьма сомнительной. Как известно, появление квазигосударства в первую очередь означает, что метрополия, от которой это государство откололось, не в состоянии обеспечить территориальную целостность своих границ. С точки зрения подавляющего большинства стран - участниц ООН Южная Осетия и Абхазия остаются территориями грузинского государства, а признание их государственности Россией – факт неправомерный и является нарушением Устава ООН. Тем не менее «критикуемый мировым сообществом экстремизм властей непризнанных государств опирается на массовую поддержку граждан этих формально несуществующих образований» [5, с. 177].

Несмотря на то что Абхазия, Южная Осетия и Приднестровье как суверенные государства не получили широкого международного признания, они взаимно признали друг друга, создав военно-политический союз. Длительная неопределенность политического статуса Абхазии, Приднестровья и Южной Осетии является следствием существования системной дисфункции мировой политической системы, связанной с отсутствием модельного международного законодательства, в рамках которого бы осуществлялась легитимация самопровозглашенных государств. Абхазия и Южная Осетия, получившие

признание Москвы, фактически уже давно интегрированы в экономическое пространство РФ, но «их международный статус останется ущербным до тех пор, пока не произойдет полномасштабное мирное урегулирование с Грузией. Пока Сухум и Цхинвали – с помощью Москвы – добились лишь независимости от Грузии» [7, с. 248-249]. Как известно, контроль над территорией еще не означает полного контроля, который возможен только при наличии правовой легитимации действующей власти со стороны значительного числа других государств. В настоящее время вопрос признания Абхазии и Южной Осетии в значительной степени определяется не интересами живущих в них народов, а «двойными политическими стандартами» ведущих мировых акторов - США и Евросоюза. В то время как интересы мирного разрешения конфликтов требуют четкого подтверждения всеми сторонами приверженности принципам ОБСЕ о мирном урегулировании споров и о неприменении силы.

При этом сами непризнанные государства достаточно активно взаимодействуют между собой в различных сферах общественной и политической реальности. Так, еще в 1992 году никем не признанные на тот момент государственные образования постсоветского пространства: Абхазия, Южная Осетия, Приднестровская Молдавская республика, Нагорно-Карабахская Республика, а кроме того бывшие территории Югославии – Сербская Краина и Республика Сербская, образовали Союз Непризнанных Государств. С течением времени, правда, сербские территории по разным причинам покинули данный Союз. Следующим важным этапом в оформлении международных связей непризнанных государств на пространстве бывшего СССР стал 2000 год, когда в Тирасполе был подписан договор о создании постоянно действующего координирующего органа — Совещания министров иностранных дел — и консультативного совета на уровне экспертов для подготовительной работы между встречами. По отношению к данной международной организации стали использоваться такие названия, как «Содружество непризнанных государств», или СНГ-2. Несмотря на скептические оценки данной инициативы как некоего «Союза маргиналов», в рамках СНГ-2 достаточно активно и успешно проходили встречи, на которых обсуждались проблемы существующего миропорядка и возможности его изменения в пользу новых мирополитических феноменов. В 2002 году члены данной структуры впервые заявили о желании создать военный блок. 2006 год стал третьим важным этапом: главы Абхазии, Южной Осетии и Приднестровья на саммите в Сухуме дополнительно заключили и подписали:

- договор о дружбе, сотрудничестве и взаимопомощи;
- декларацию о создании Сообщества «За демократию и права народов».

Тем самым непризнанные государства постсоветского пространства продемонстрировали устойчивость и твердость устремлений по обретению и признанию собственной государственности. Как было объявлено, целью Сообщества является завершение политико-правового оформления распада Союза ССР через признание правосубъектности Республики Абхазия, Приднестровской Молдавской Республики, Республики Южная Осетия. Стало очевидно, что интеграция может принимать иногда весьма неординарные и причудливые формы, т.к. потребность в ней весьма велика и, собственно говоря, свидетельствует о расширении адаптационного потенциала в рамках борьбы за выживание. Непризнанные государства также заявили о создании совместных миротворческих сил и о намерении поддерживать друг друга в случае вооруженной агрессии.

Образовавшиеся на постсоветском пространстве непризнанные государства с самого начала оказались на периферии мировой системы, т.к. не соответствовали сложившимся после окончания холодной войны правилам международной жизни. Пользуясь поддержкой со стороны России, данные территории превратились со временем в очередной объект противостояния России и западных держав, которые последовательно в течение последних 20 лет выдавливали Россию из постсоветского пространства путем создания «неблагоприятного пояса соседства». Политика расширения Евросоюза и НАТО в направлении российских границ только обострила отношения между Россией и ее западными «партнерами». Кроме того, в отличие от многих других примеров непризнанных государств, Абхазия, Южная Осетия и др. оказались весьма жизнеспособными и успешно справились с государственным строительством на своей территории в соответствии с современными демократическими процедурами.

Обострение ситуации с непризнанными государствами произошло в 2008 году, и здесь следует отметить два важных события: ситуация с Косово и война в Грузии. Так, признание независимости Косово западным сообществом фактически положило начало серьезной качественной трансформации системы международных отношений и международного порядка, сложившегося после Второй мировой войны. События в Грузии стали логичным следствием косовского прецедента. В результате августовская война 2008 года, получившая глобальный информационный резонанс, фактически подтолкнула Российскую Федерацию нарушить статус-кво, и 26 августа 2008 года РФ заявила о признании Абхазии и Южной Осетии. Прежде всего, это изменило статус самих республик – они перешли из разряда непризнанных в ряды частично признанных государств. В то же время следует обратить внимание на то обстоятельство, что «ни одна страна СНГ не последовала примеру России и не признала независимость Абхазии и Южной Осетии» [3, с. 224]. Данный факт доказывает

«наличие консенсуса между странами Содружества, но консенсуса без России» [3, с. 224]. Говоря другими словами, интеграционные стратегии государств СНГ являются многовекторными и носят прагматичный характер. Однако Абхазию и Южную Осетию признали еще нескольких государств вне постсоветского пространства: Никарагуа, Венесуэла, Науру, а впоследствии – Тувалу.² В январе 2015 года о признании Южной Осетии и Абхазии заявило непризнанное государство – Луганская Народная Республика. Однако большая часть мирового сообщества по-прежнему отказывается признавать данные государственные образования. Тем не менее события 2008 года следует рассматривать как поворотный момент в развитии системы международных отношений в целом и подсистемы постсоветского пространства в частности: косовский случай породил серьезный исследовательский интерес к феномену непризнанных государств в целом, а война в Грузии привлекла внимание к феномену постсоветских непризнанных и частично признанных государств. Кроме того, для метрополий и западного сообщества стало очевидно, что политика изоляции и игнорирования данных республик на протяжении всего их существования фактически подтолкнули эти территории к России.

Оценивая дальнейшие перспективы развития государственности Южной Осетии и Абхазии, отметим, что несмотря на типологическое сходство, ситуация относительно будущего выбора пути Абхазией и Южной Осетии не так однозначна. Важно, например, отметить, что в Южной Осетии, в отличие от Абхазии, не было масштабных этнических чисток грузинского населения, и до августа 2008 года грузины проживали совместно с осетинами. Влияние России в Абхазии серьезно ограничено, в то время как ситуация в Южной Осетии выглядит совершенно иначе. Вариант присоединения к России рассматривается - и в Абхазии, и в Южной Осетии – как вполне вероятный, но при этом только для второй республики он является приоритетным. Данный вывод вполне логичен ввиду достаточно скромных экономических перспектив Южной Осетии. Восстановление и дальнейшее развитие республики во многом зависит от эффективности использования помощи, приходящей из России, поскольку собственных опорных отраслей экономики у Южной Осетии практически нет. Таким образом, в отличие от Абхазии, имеющей некогда развитую многоотраслевую экономику (в частности - курортный туризм) и возможности ее возобновления, Южная Осетия не обладает экономическим потенциалом независимого государства. Более того, абхазская государственность имеет более глубокие этнические корни, нашедшие отражение в социально-политической реальности в рамках национального проекта – построение независимого государства абхазов. В целом «абхазская политическая система является, безусловно, более зрелой, самостоятельной и устойчивой, чем юго-

² Тувалу отозвало принятое в 2011 году решение о признании независимости Абхазии и Южной Осетии.

осетинская», что «усиливает предрасположенность Абхазии к независимости, а Южной Осетии – к вхождению в состав России» [4, с. 330].

Важно упомянуть также роль еще одного участника конфликта, характер будущих взаимоотношений с которым остается весьма неопределенным, но принципиальным – Грузия. Некоторые надежды на продуктивность диалога внушает осознание грузинской стороной того, что «грузино-абхазский и грузино-южноосетинский конфликты имеют собственную историю, корни, генезис, и даже если российский фактор вдруг исчезнет, то конфликты эти не урегулируются сами собой, немедленно и автоматически» [6, с. 21]. Отдавая дань роли российского фактора в данных конфликтах, директор Республиканского института в Тбилиси И.Л. Хаиндрава признает, что «все предыдущие грузинские руководители в большей или меньшей степени приложили руку к их углублению (или оказались несостоятельными в плане их предотвращении и/или урегулирования)» [6, с. 21]. Несомненно, появление проекта «Содействие диалогу Россия-Грузия», в котором принимают участие российские и грузинские эксперты, – правильный шаг к выстраиванию в будущем эффективного взаимодействия. Но при этом обе стороны признают, что проблема Абхазии и Южной Осетии остается не имеющей решения. Более того, грузинский эксперт утверждает, что «неурегулированные грузино-абхазский и грузино-южноосетинский конфликты представляют собой серьезное политическое и важнейшее эмоциональное (с грузинской стороны) препятствие на пути упорядочения грузинско-российских взаимоотношений» [6, с. 21]. По мнению ряда экспертов, установление добрососедских отношений между Грузией и Россией позволит вплотную подойти к обсуждению конкретных политико-правовых моделей мирной реинтеграции непризнанных государств. В связи с этим весьма разумным представляется следование рекомендации экспертов с российской стороны – способствовать формированию условий для подключения к российско-грузинскому экспертному диалогу представителей Абхазии и Южной Осетии [6, с. 65]. В любом случае политика России в отношении квазигосударств и государств-метрополий должна основываться на примате прагматического реализма. Однако очевидно, что в условиях современного украинского кризиса вероятность достичь каких-либо компромиссов с участием России по вопросам непризнанных государств весьма низка и даже маловероятна.

Таким образом, на современном этапе вопрос о правосубъектности непризнанных государств переходит в более широкое предметное поле, затрагивающее не только юридические, но также и социокультурные, геополитические и военно-стратегические аспекты. Наряду с этим решение данного вопроса осложнено процессом трансформации международной системы и структурированием нового миропорядка в результате событий 2008 года:

во-первых, «косовский прецедент» 2008 года положил начало пересмотру Ялтинско-Потсдамского мирового порядка и международных правовых норм;

во-вторых, война в Грузии стала свидетельством того, что «переходный» период после распада СССР структурной трансформации международной системы завершился;

в-третьих, началась перестановка сил в мировой иерархии и на постсоветском пространстве: стало очевидно, что Россия, которая долгое время была занята восстановлением собственных сил и во многом зависела от отношений с Западом, вновь заявила о себе как ведущая мировая держава, желающая контролировать жизненно важный в контексте ее национальной безопасности регион постсоветского пространства и участвовать в определении норм и правил международного взаимодействия. В этой связи для России непризнанные государства постсоветского пространства во многом стали «плацдармом» восстановления своего влияния на постсоветском пространстве.

Тем не менее украинский кризис 2014 года внес серьезные коррективы в будущее непризнанных государств постсоветского пространства. Так, если до кризиса на Украине можно было говорить о неких перспективах в достижении компромиссных решений по данному вопросу, то гражданская война на Украине, ухудшение имиджа России в ряде бывших советских республик, санкционная политика против России и т.д. фактически свели все предыдущие усилия России в отношении непризнанных государств постсоветского пространства к нулю. В то же время очевидно, что судьба этих государств сегодня напрямую зависит от того, как Российская Федерация выйдет из сложившейся геополитической кризисной ситуации.

Список литературы

1. Добронравин Н.А. Непризнанные государства в «серой зоне» мировой политики: основы выживания и правила суверенизации : препринт М-21/11. — СПб. : Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2011. — 56 с. — (Серия препринтов; М-21/11; Центр исследований модернизации).
2. Дугин А.Г. Основы геополитики [Электронный ресурс]. - URL: <http://ratnikjournal.narod.ru/zip/Dugin.Geopolitika.pdf> (дата обращения: 04.02.2014).
3. Загладин Н.В. Конфликт вокруг Грузии – симптом кризиса миропорядка // Россия в глобальном мире. Хрестоматия в 6 томах. – М. : Аспект-Пресс, 2012. - Т. 5. - С. 215-228.
4. Казин Ф.А. Взаимоотношения России с Южной Осетией и Абхазией в сравнительной перспективе // Россия в глобальном мире. Хрестоматия в 6 томах. – М. : Аспект-Пресс, 2012. - Т. 5. - С. 322-336.

5. Маркедонов С.М. Земля и воля // Россия в глобальном мире. Хрестоматия в 6 томах. – М. : Аспект-Пресс, 2012. - Т. 5. - С. 175-182.
6. Российско-грузинские отношения: в поисках новых путей развития: рабочая тетрадь. - М. : Спецкнига, 2014. – 140 с.
7. Тренин Д.В. Отношения России и стран СНГ: перспектива 2020 // Внешняя политика России 2000-2020. Научное издание в 3 томах. – М. : Аспект-Пресс, 2012. - Т. 2. - С. 243-253.
8. Федулова Н.Г. «Замороженные» конфликты в СНГ и позиция России // Россия в глобальном мире. Хрестоматия в 6 томах. – М. : Аспект-Пресс, 2012. - Т. 5. - С. 183-202.
9. Bertrand Badie. Le retournement du monde. - Paris, 1992. - P. 11.

Рецензенты:

Торопыгин А.В., д.пол.н., профессор кафедры международных процессов евразийского региона Северо-Западного института управления РАНХиГС, г. Санкт-Петербург;
Маркушина Н.Ю., д.пол.н., доцент кафедры мировой политики факультета международных отношений Санкт-Петербургского государственного университета, г. Санкт-Петербург.